

**КРЕСТЬЯНСКИЕ УСАДЬБЫ СЕВЕРА ВЕРХНЕГО
ПРИБОЬЯ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.)**

Крестьянская усадьба – это целостный хозяйственный и архитектурный комплекс, характер которого обусловлен культурно-историческими, природно-климатическими, социально-экономическими, этническими и другими факторами. Так как на формирование усадьбы существенное влияние оказывают особенности хозяйства, быта и культуры народа, то изучение ее развития представляло интерес для различных специалистов: историков, этнографов, архитекторов¹. Исследователи проделали огромную работу по изучению усадеб отдельных регионов и обобщению результатов. Получен богатый сравнительный материал, характеризующий их в различные исторические периоды. Для продвижения в познании закономерностей эволюционных процессов и их конкретных проявлений необходимо исследование частных вопросов, касающихся появления и распространения усадебных комплексов различного состава. В связи с этим представляется необходимым сужение территориальных рамок исследования.

Предварительное знакомство с научной литературой и источниками позволяет отметить недостаточную изученность усадебных комплексов, распространенных в северной части Верхнего Приобья, которое с известной долей условности (принимая во внимание современное административное деление) можно было бы назвать Новосибирским Приобьем. Этот регион незаслуженно обойден вниманием, хотя представляет исключительный интерес, поскольку там в конце XIX – начале XX в. наблюдалась активизация процессов, связанных с развитием усадебного комплекса. Одной из причин этого было интенсивное миграционное движение населения. Особенностью рассматриваемой территории является также разнообразие природных условий, оказавшее значительное воздействие на принципы построения усадеб в разных местностях. В связи с этим неизбежно возникают вопросы о влиянии этнического и природно-климатического факторов на тип и состав усадьбы и их взаимодействии с социальными процессами.

Задачей полевых исследований, проводившихся автором в 1989–1995 гг., было установление характеристик усадебных комплексов в регионе изучения. Были использованы методы непосредственного наблюдения, опрос населения, сбор и анализ статистических данных. Выявление и привлечение в качестве источников новых документов, таких, как материалы фондов государственных районных архивов, местных музеев, записей краеведов, способствовали уточнению и детализации исследования. Результатом проведенной работы является данная статья.

В конце XIX – начале XX в. регион, где проводились наши исследования (в настоящее время это Кольванский, Мошковский, Болотнинский, Коченевский, Новосибирский, Ордынский, Сузунский, Искитимский, Черепановский, Маслянинский районы Новосибирской обл.), согласно существовавшему тогда административному делению, относился к Томской губ. Эта территория, значительная по площади, может быть разделена на зоны, различающиеся по своим характеристикам. Северная часть имела выгодное положение вследствие обилия плодородных земель, близости губернского торгового города Томска и Московского тракта, золотых промыслов, а также судоходности рек Томи и Оби. В худшем положении находились центральная и южная части, где также имелись плодородные почвы и развитые горные промыслы, но отдаленность от мест сбыта продукции и отсутствие удобных транспортных путей тормозили развитие их хозяйства. Авторы «Сборника статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии», вышедшего в 1913 г.², выделяли в пределах этой территории несколько естественноисторических районов,

сменяющих друг друга с севера на юг: таежный, переходный, лесостепной. В таежном земледельческом районе (часть Томского у.) преобладает лесистая равнина с влажными болотистыми площадями и пригодными для ведения сельского хозяйства «еланями» и «увалами», тянущимися вдоль рек и логов. Почвы подзолистые, лесные суглинки и болотистые. В переходном от тайги к лесостепи районе (территории Томского, Барнаульского уездов) лесистая равнина чередуется с лесостепью. Почвы лугово-лесные, перегнойно-карбонатные, подзолистые, суглинистый чернозем с большим содержанием гумуса. Лесостепной район (часть Барнаульского у.) имеет ярко выраженный равнинный рельеф с залесенными участками. Почвы подзолистые, суглинисто-черноземные. На всей территории климат резко континентальный, со свойственными ему перепадами температур. В гористых зонах переходного района (Барнаульский у.) климат мягче, выпадает больше осадков, однако земледелие затруднено из-за малой плодородности почв. Природные условия северной части Верхнего Приобья позволили развивать комплексное полководческо-животноводческое хозяйство. В ряде местностей животноводство стало играть значительную роль, преобладая над земледелием. Это касается прежде всего таежных, лесных и гористых районов, неблагоприятных для ведения земледельческих работ. Все вышеуказанное оказало определенное влияние на особенности формирования усадебного комплекса, подбор различных построек.

Усадьба в конце XIX – начале XX в. являлась основным структурообразующим элементом многодворных русских земледельческих поселений Сибири. Этот период имеет особое значение для изучения состава и характеристик сибирской крестьянской усадьбы, так как отражает хозяйственный уклад сибирского села накануне социальных перемен 1920-х годов. Томская губ., в том числе и Приобье, тогда была одним из основных регионов, разрешенных для заселения, поэтому здесь наиболее активно происходили процессы, связанные с формированием усадебных комплексов. Шло развитие сложившегося расселения, населенные пункты увеличивались за счет строительства новых домов для разделившихся больших семей и приселившихся новых жителей – выходцев из губерний Европейской России³.

Уже в середине XIX в. население Томской губ. было велико. Из сибирских губерний она по числу жителей уступала только Тобольской. В 1858 г. в состав Томской губ. входили Барнаульский, Томский, Кузнецкий и Мариинский округа. По численности населения первые два округа превосходили остальные. В Барнаульском округе проживало 114 974 чел. (23,2% от всего населения губернии), в Томском – 113 109 чел. (20,5%), в Кузнецком – 89 591 чел. (13,57%), в Мариинском – 48 728 чел. (7,78%)⁴. При этом наиболее высока была плотность населения в Барнаульском округе – около 62 чел./кв. милю (без учета населения городов), второе место принадлежало Кузнецкому округу – 50 чел./кв. милю, затем шли округа Мариинский – 36 чел./кв. милю, и Томский – 20,8 чел./кв. милю. Население регионов Приобья в этот период характеризовалось полиэтничностью при количественном преобладании восточных славян. Согласно "Списку" населенных мест Томской губ. 1859 г., из 654900 жителей восточные славяне составляли 91,04%, среди них первое место по численности занимали русские, второе – украинцы, третье – белорусы⁵, расселившиеся этноареальными и этнодисперсными группами (по классификации Ю.В. Бромлея⁶). Средине XIX в. явилась значимым временным рубежом, когда завершились первичное, аграрно-промысловое освоение региона и сопутствующее ему образование ме-таэтнической общности «сибиряков-старожилов», этноконфессиональные (*кержаки, чалдоны* и др.) и субэтнические (украинцы, белорусы и др.) группы которой имели определенные культурные различия. В уже упоминавшемся «Списке» населенных мест Томской губ. 1859 г. говорится, что «...в Сибири слово "сибиряк" получило право гражданства и стало термином особой национальности... В приходских списках... где должна быть обозначена национальность, беспрестанно встречается пометка "природные сибиряки", "сибиряки", "сибиряки из Великоруссов"⁷.

Этническое разнообразие крестьянского населения региона постоянно поддержи-

важность миграционными процессами. Правда, прирост населения до 90-х годов XIX в. был невелик. Он шел за счет добровольных переселенцев из других губерний и ссыльных. Наибольших значений он достиг дважды – в 1853–1854 гг. и в 1866 г., когда прибыли соответственно 9454 чел. добровольных переселенцев и 3533 чел. (в том числе 985 ссыльных), более трети которых переселились в Сибирь из Уфимской губ. и образовали три села и одну деревню в Томском округе⁸.

Материалы для изучения переселения в Сибирь, которые стали результатом долговременных исследований, проводившихся в конце XIX в.⁹, показывают, что в дальнейшем миграционный поток стал нарастать. Так, в 1895–1897 гг. в Томскую губ. для водворения на казенных землях были направлены переселенцы из Черниговской (1287 семей – 8258 чел.), Курской (1036 семей – 7579 чел.), Пензенской (884 семьи – 5596 чел.), Полтавской (780 семей – 5695 чел.) губерний. На кабинетных землях были поселены 2553 семьи (16 233 чел.) из Черниговской губ., 2377 семей (15 406 чел.) из Полтавской, 1070 семей (7536 чел.) Курской, 1048 семей (6511 чел.) Воронежской, 882 семьи (5277 чел.) Тамбовской, 662 семьи (4295 чел.) Пензенской, 649 семей (4359 чел.) Орловской и др. губерний. Ехали также и менее многочисленные группы переселенцев из Тульской, Рязанской, Киевской, Подольской, Волынской, Екатеринославской, Херсонской, Донской, Саратовской, Самарской, Уфимской, Оренбургской, Калужской, Смоленской, Гродненской, Виленской, Ковенской, Могилевской, Витебской, Минской, Вятской, Пермской, Псковской, Лифляндской, Курляндской, Вологодской губерний¹⁰. Из Томской же губ. на родину или в другие российские и сибирские губернии выезжало не более 3% от числа приехавших.

Часть переселенцев оседала в районах Приобья. Судя по статистическим сведениям 1911–1912 гг., в переходный район Томской губ. переселялись в основном выходцы из Белорусского экономического района (Витебская, Минская, Могилевская, Смоленская губернии). Они составили 34,6% от общего количества населения. На втором месте (29,3%) оказались переселенцы из Центрально-Земледельческого района (Воронежская, Курская, Орловская губернии). В таежные районы переселялись из районов Приуралья (Вятская, Пермская, Уфимская губернии) – 18,6%, Белорусского – 18,5%, Прибалтийского (Эстляндская, Курляндская, Лифляндская губернии) – 13,5%, Литовского (Виленская, Гродненская, Ковенская губернии) – 13,5%¹¹.

В лесостепном районе поселялись выходцы из Центрально-Земледельческого (Воронежская, Курская, Тамбовская губернии), Малороссийского (Полтавская, Черниговская губернии), Средневожского (Пензенская губ.) районов. В ряде старожильческих населенных пунктов северной части Верхнего Приобья к 1911–1912 гг. переселенцы составили около 50% от всего населения и более¹².

В целом в Томской губ. к 1911–1912 гг. по сравнению с серединой XIX в. несколько снизилась доля восточнославянского населения и увеличилась доля выходцев из Прибалтийского и Литовского районов: поляков, латышей, эстонцев (особенно в таежном районе).

Итак, с середины XIX в. до первых десятилетий XX в. этническая ситуация в Приобье характеризовалась перманентной изменчивостью, вызванной интенсивными миграционными процессами. Исследователи того периода отмечают, что «даже после 10–15 лет жизни в Сибири переселенческая масса еще подвижна, нестройна в частях, ...не отстоялась... говорить о типических явлениях в ее среде чрезвычайно трудно»¹³. Явные различия наблюдались лишь между двумя большими группами населения, условно обозначаемыми как *старожилы*, предки которых поселились в Приобье в XVII–XVIII вв., и *российские* переселенцы, мигрировавшие в конце XIX – начале XX в. и ставшие сибиряками в первом-втором поколениях. К ним относили не только русских, но и украинцев и белорусов. В свою очередь каждая из этих групп дробилась на более мелкие подгруппы. Как уже говорилось, сибирская старожильская культура, с одной стороны, имела известную общность составляющих ее элементов, с другой – различалась в зависимости от соотношенности с той или иной этноконфессиональной группой. Выделяются православные сибиряки, так называемые

чалдоны, и сторонники старой веры, имевшие в разных регионах Приобья свои названия: *кержаки, двоеданы, курганы*.

Чалдоны проживали как компактными, так и дисперсными группами на территории современных Кольванского, Болотнинского, Тогучинского, Маслянинского, Искитимского, Черепановского, Сузунского, Ордынского районов Новосибирской обл. (в дальнейшем для определения будем пользоваться административным делением, существующим в настоящее время). Выделяются некоторые особенности культуры локальных *чаусской* и *ояшинской групп*, свидетельствующие об их генетической связи с донским казачеством¹⁴. Согласно семейным преданиям чалдонов, их далекие предки четвертого-пятого колена приехали с междуречья Чала и Дона. Представители этой группы не только себя, но и своих детей называют *исконными сибиряками*.

Другие старожильческие группы Приобья – старообрядцы различных толков¹⁵. Часть их носит название кержаки. Большинство кержаков, выходцев с р. Керженец, считают себя коренными сибиряками. Старообрядческие группы курганов и двоеданов, выделяющиеся компактностью проживания (Ордынский р-он Новосибирской обл.), – выходцы из Нижнего Поволжья и Южного Приуралья.

Названия «чалдоны» и «кержаки» в настоящее время приобрели обобщенное звучание: первое синонимично слову *сибиряк*, второе означает *старовер, первоначальный засельщик-сибиряк*. Следует отметить, что несмотря на распространенность понимания названия «чалдон», как «настоящий, истинный сибиряк», некоторые старожилы, деды и прадеды которых жили в Сибири, а место их выхода за давностью лет забыто, называют себя именно сибиряками, отрицая свою причастность к чалдонам.

Результаты многолетних экспедиционных работ позволили Е.Ф. Фурсовой сделать вывод¹⁶ о том, что по основным компонентам культура старообрядцев-«кержаков», как и основной массы «чалдонов», была севернорусской; в отдельных случаях прослеживается связь с Северо-Востоком и Поволжьем. В локальных группах из Белоруссии можно увидеть западнорусские черты с включением южных, неизвестных прочим «кержакам». Исследовательница считает¹⁷, что наиболее близки к старожильческой культуре выходцы из Пермских земель и Приуралья, полностью ассимилировавшиеся с местным населением. Вятские переселенцы прекрасно адаптировались в сибирских условиях, поскольку многие элементы их культуры совпадали со старожильческой, но тем не менее они бережно сохраняли память и привязанность к своей родине, передавая ее и своим потомкам, родившимся уже в Сибири. Труднее было обживаться на новых местах выходцам из южнорусских областей, а также украинцам и белорусам, известным здесь под обобщенным названием *холлы*. Определенные черты их культуры в процессе адаптации претерпели наибольшие изменения.

Характерной особенностью расселения на исследуемой территории было, во-первых, приселение новых жителей к старожилам, что вело к увеличению уже существующих поселений; во-вторых, основание новых многодворных поселков переселенцев на выделенной им земле, где ранее никто не проживал. Образование компактных поселений крестьян – переселенцев из одной губернии – было затруднено в связи с большим притоком выходцев из разных губерний, вынужденных селиться на отведенных участках. Одновременно с этим можно указать на наметившуюся тенденцию к выбору (при его относительной свободе) места жительства по принципу родственно-земляческих связей. В результате этого поселения разрастались, появлялись «края», т.е. части населенных пунктов, где преобладали определенные группы населения. Отсюда сохранившиеся до сих пор названия многочисленных Чалдонских, Сибирских, Пензенских, Вятских и пр. краев. Все это сказалось и на формировании усадебного комплекса. Благодаря появлению новоселов, вынужденных начинать обустройство на новом месте буквально «с нуля», а также расширению контактов старожилов с носителями хотя и родственных, но несколько иных

традиций, облик села подвергался трансформации, появлялись новые типы построек и усадеб, изменялось их количественное соотношение. Для удобства изложения в дальнейшем будут употребляться термины *старожилы* и *переселенцы*, поскольку имеющиеся у нас данные позволяют говорить о различиях именно на этом уровне.

В изучаемом регионе были распространены усадьбы с открытыми дворами, жилая часть которых отделялась от хозяйственной. Усадьбы, где дома объединялись в единый крытый комплекс с хозяйственными постройками, являлись скорее исключением. Такие усадьбы, как и усадьбы с сезонным перекрытием пространства двора, встречались в некоторых селениях Колыванского и Мошковского районов Новосибирской обл., располагавшихся в лесной зоне переходного района. Следует заметить, что местные жители часто связывали появление дворов, имевших крытые пространства, с приездом переселенцев с Урала, где такие дворы были распространены. Убедившись в преимуществах этого типа усадьбы, некоторые старожилы (далеко не все) переняли его. Повсеместно в деревнях Новосибирского Приобья существует термин *крытый двор*, но под ним подразумевается помещение для скота, имеющее крышу.

Кроме жилого дома, большинство сибирских крестьян-старожилы имело на подворье несколько хозяйственных построек, что позволяет выделить в классификационном отношении следующие типы усадьбы: 1) нераздельный; 2) двухчастный с однорядной, двухрядной, покоеобразной застройкой; 3) свободный.

В южных районах Новосибирского Приобья (лесостепной район) преобладали свободный, а также двухчастный с однорядной и двухрядной застройкой типы усадьбы, в северных (лесная зона) – двухчастный с двухрядной и покоеобразной застройкой, часто встречался также нераздельный тип; на северо-западе региона (переходный и таежный район) – нераздельный и двухчастный типы усадьбы с однорядной и двухрядной застройкой. Дом располагался на краю или посередине усадьбы. При двухрядной и покоеобразной застройке усадьба делилась на «чистый» и «черный» («скотный», «грязный») дворы, образуя двухчастную усадьбу. Земельный надел под огород примыкал к дворовой части.

Недавние переселенцы имели меньше построек, однако их количество быстро увеличивалось с ростом материального благосостояния хозяев. В планировочном отношении их расстановка повторяла структуру усадеб, характерных для региона, поскольку многие новоселы, не имея достаточного опыта в ведении хозяйства на новом месте, ориентировались на старожилов, хотя при переселении они имели возможность выбрать ту местность, которая по природным условиям напоминала им их родину, т.е. могли воспроизводить знакомые им типы усадеб, объективно соответствовавшие уже существующим в данном регионе¹⁸.

В любом природно-климатическом районе усадьбу формировали постройки, необходимые для жизни семьи и обеспечивающие хозяйственную деятельность, содержание скота и хранение припасов. Различались лишь их количество и назначение. Часто расположение построек на усадьбе диктовалось этническими традициями во взаимосвязи с природно-климатическими условиями. Состав же усадьбы и количество построек в большей степени зависели от имущественного положения хозяев: слабые хозяева владели малым их числом, в больших производящих хозяйствах было много подсобных помещений. Зажиточные старожильческие семьи имели развитое хозяйство, принадлежащие им усадьбы насчитывали до 12 построек. К таким, например, относилось большинство семей, проживавших в д. Елтышевой. Эта деревня была образована в середине XIX в. и располагалась на территории современного Мошковского р-на Новосибирской обл. (переходный район).

Так, по данным 1928 г.¹⁹, семья С.Д. Пастушенко (1878 г. р.) состояла из 15 чел., имела 42,29 десятины земли, в том числе 0,5 десятины усадебной, две повозки, сенокосилку, плуг, борону, три лошади, три коровы, шесть коз, одну свинью. На усадьбе стояли дом, «двор скотский», амбар, баня. Семья С.Д. Самко (1880 г. р.) состояла из 11 чел., в числе которых было пятеро сыновей, один женатый. Они имели

37,11 десятины земли (усадебной 0,5 десятины), две деревянные повозки, жнейку, веялку, плуг, две бороны, две лошади, четыре коровы, восемь овец, две свиньи. Их усадебные постройки – дом, «двор скотский», хлев, амбар, избушка, навес, баня, рига. И.М. Терещенко (1879 г. р.) – гончар, вел хозяйство совместно с сыном (1901 г. р.), имевшим семью из семи чел. В пользовании отца были дом, «двор скотский», хлев, два амбара, сушило, две избушки, навес, баня, рига, две лошади, одна корова, семь овец, две свиньи. Сын имел дом, амбар, клуню; инвентарем и землей (34,05 десятины) пользовался совместно с отцом.

Несмотря на общий высокий уровень зажиточности населения, в д. Елтышевой имелись и небогатые семьи. К их числу относилась, например, семья В.Н. Зенченко (1871 г. р.), состоявшая из трех чел. В ее пользовании были 10,77 десятины земли (усадебной 0,1 десятины), изба и скотный двор с одной лошадью, двумя коровами и одной овцой. Семья Н.Г. Гуцала (1883 г. р.), состоявшая из девяти чел., владела только избой и скотным двором, незначительным количеством инвентаря и животных; семья А.Ф. Ковалева (1888 г. р.), также из девяти чел., владела только домом, инвентарем, лошадью и коровой²⁰.

По данным, относящимся к шести деревням Маслянинского р-на Новосибирской обл. (более 100 усадеб), в 1930 г.²¹ в состав усадьбы могли входить в различных сочетаниях: изба, дом, амбар, баня, погреб, скотный двор, конюшня, сарай, стая, завозня, сушило, избушка, пригон, поднавес, хлев. Отметим, что в источниках избой называется жилище с одной жилой комнатой, домом – жилище с большим количеством комнат. Вследствие того, что в этом районе проживало большое число переселенцев, преобладали усадьбы с малым количеством строений. В усадьбе более часто встречаются такие наборы построек: дом (изба), баня – 20; изба (дом), хлев – 16; изба, амбар – 10. Реже всего: изба, баня, хлев, амбар, сарай, конюшня; дом, баня, хлев, амбар, погреб, двор; дом, баня, конюшня; дом, баня, амбар, двор, сушило. Такой разнообразный, но редко встречающийся состав построек был у богатых крестьян, как правило, старожилов. Существовали усадьбы и без хозяйственных построек (таких – 33), вероятно, принадлежавшие бедным крестьянам или переселенцам, не успевшим обзавестись хозяйством. Впрочем, некоторые хозяева совместно владели постройками, стоявшими на дворе одного из них.

Типы, состав хозяйственных построек на усадьбах старожилов соответствовали животноводческо-земледельческому направлению хозяйствования, особенно в таежном и переходном районах. Набор построек, имевшийся у переселенцев, был более ориентирован на хранение и переработку зерна, занятия ремеслом и торговлей, так как они занимались преимущественно этими видами деятельности²². Об этом свидетельствуют не только сообщения респондентов, но и статистические данные²³.

Назначение жилищ, бань, конюшен, хлевов, обычно входящих в состав усадеб, общеизвестно. В скотном («скотском») дворе, пригоне и стаях содержали коров и свиней. Эти постройки по конструкции совпадали с хлевом. В пределах усадьбы размещали кухню для приготовления кормов животным, которая носила название *избушка*. Большое количество скота, имевшегося во владении старожильческих семей, предполагало наличие загонов, летников, строившихся без крыш, так как скот в основном было принято держать вне укрытий. Однако у части старожильческих хозяйств были также крытые скотные дворы и стойки для молодняка, отела и доения коров для мелкого скота. Приехавшие в Сибирь переселенцы стремились быстрее обзавестись крытыми помещениями для скота. Согласно нашим полевым материалам, многие респонденты оценивали свою новую жизнь в Сибири как более зажиточную, так как на родине они не имели средств для постройки таких помещений, поэтому для доения заводили коров в дом (выходцы из Рязанской, Вятской губерний). Получив на новом месте возможность строительства (благодаря изобилию материала), одним из первых сооружали помещение для скота.

Обязательными в хозяйстве были постройки для хранения и обработки зерновых культур: амбары, риги, овины. Сушило использовалось для сушки и хранения лако-

вых культур, завозня и поднавес – для хранения телег, саней, упряжи. Повсеместно встречались в усадьбах погреба. Бани могли быть в составе усадебных построек или ставиться в отдалении, например на берегу реки. В усадьбе бани строились как отдельно от остальных построек, так и впритык к ним. В пределах усадьбы также располагались колодцы. По сообщениям респондентов, чалдоны предпочитали колодцы с «журавлем», большое распространение имели также колодцы с «вертушками». Некоторые сооружения, такие, как сараи, амбары, овины, риги, иногда выносили за пределы усадьбы.

Вне постоянного населенного пункта находились достройки сезонных поселений – заимок, на основе которых могли формироваться усадебные комплексы. Вопрос заимочного землепользования и развития промышленных заимок в Западной Сибири подробно рассмотрен в литературе²⁴. Следует отметить, что в Новосибирском Приобье это явление также существовало. Так, к 1910-м годам на 1397 хозяйств старожилов приходилось 540 заимок, причем каждое хозяйство владело только одной заимкой, т.е. 38,7% хозяйств имело заимки. На 1563 хозяйства переселенцев приходилось 304 заимки, т.е. 19,4%. На заимках старожилов стояло 850 построек разного рода, в том числе жилых 397, хозяйственных 453; на заимках переселенцев – 384 постройки, в том числе жилых 206, хозяйственных 178. Таким образом, на одну заимку старожила приходилось 1,6 постройки, а на одну заимку переселенца – 1,3. Такое соотношение вполне закономерно с учетом времени поселения и связанной с этим возможности обзавестись хозяйством. На части заимок построек не было, но имелись заимки с несколькими постройками как жилого, так и производственного характера²⁵.

Одной из важнейших частей усадьбы является жилище. Следует отметить, что существует множество сочетаний, различных подтипов жилищ, поэтому имеет смысл говорить об относительной распространенности того или иного типа и закономерности его появления в том или ином регионе. В старожильческих поселениях всех природно-климатических районов преобладали сложные, многокомнатные типы жилищ, поскольку население их было в основном зажиточным. С прибытием новоселов количественное соотношение сложных и более простых жилищ изменялось, иногда в пользу последних. Однако со временем, при успешном обустройстве вновь прибывших, число многокомнатных домов росло.

Далее будем использовать классификацию, предложенную О.Н. Шелегиной²⁶, по нашему мнению, наиболее точно отражающую состав помещений дома: однокамерное – одно жилое помещение («изба», четырехстенки); двухчастное – «изба – сени» (четырёхстенки с сенями); двухкамерное – два жилых помещения, примыкающих друг к другу (пятистенок без сеней); трехчастное – два жилых помещения и сени с различными вариантами их размещения (пятистенок с сенями, изба «со связью»); многокамерное – три и более жилых помещения и сени (крестовик, крестовая связь и другие сложные формы).

Однокамерные дома, самые простые в планировочном отношении, существовали, пожалуй, только в виде землянок, которые строили переселенцы до возведения бревчатого дома. В 1910–1920-х годах количество однокамерных жилищ значительно увеличилось благодаря постоянно прибывавшим переселенцам. Так, например, на окраине пос. Маслянино они образовали целое земляночно-барачное поселение, которое в народе метко называли «Копай-город».

Двухчастные дома, имеющие кроме жилого помещения сени, служили жильем для новоселов, бедных слоев населения, вдов, солдаток, оставшихся с детьми без мужской поддержки. Как однокамерные, так и двухчастные дома носили название «одно-стопок», «изб».

Двухкамерных домов практически не было, так как отсутствие сеней в условиях сурового климата создавало значительные неудобства, а их сооружение не составляло больших сложностей.

Трехчастные дома (избы «со связью» и пятистенки с сенями) имели наибольшее распространение, причем шел процесс превращения «связей» в пятистенки, что было

обусловлено разделом больших семей. При этом дом разбирался и из его материала строились две отдельные избы, к которым достраивались по возможности и желанию хозяев дополнительные комнаты и сени, т.е. появлялись в различных вариантах четырех- и пятистенные дома. Дома «со связью» вида «изба – сени – изба» или «изба – сени – горница» ставились широкой или узкой стороной вдоль улицы. В конце XIX – начале XX в. они в значительной мере были вытеснены пятистенками («скатниками») и крестовиками, «круглыми» домами с «прихожками» или сенями. Термин «дом со связью» встречается в Колыванском, Сузунском, части Ордынского районов; «трехстенок», «черезстенок» – в Ордынском, «дом с приделом» – в Мошковском районах. Пятистенные дома носят названия «пятистенник», «пятистенка», «пятистенок».

Многокамерные дома были распространены повсеместно и принадлежали жилищной части населения, имеющей большие семьи. Многокамерные дома (в форме крестовых) более удобны, так как благодаря их компактной планировке больше помещений могло отапливаться меньшим количеством печей, чем, например, в домах «со связью». Многокамерные жилища, «крестовые связи», строились для очень больших семей (в 20 и более чел.) и в планировочном отношении представляли собой как бы два дома «со связью», соединенные длинным коридором. Пятистенные дома с прирубом, повторяющие планировку крестовых домов, но не требовавшие качественных бревен большой длины, нужных для крестовиков, строили обеспеченные семьи из переселенческой среды. Дома с перекрещивающимися внутренними стенами практически везде называются «крестовыми», «круглыми», «крестовиками». Многокамерные дома – «баракки», – появились в 1920-х годах при большом наплыве переселенцев из российских губерний и служили временным жилищем.

В отношении вертикального развития жилища можно выделить следующие типы: наземный одноэтажный дом; наземный двухэтажный дом; дом с высоким подклетом; дом со средним подклетом; дом с низким подклетом. В Новосибирском Приобье имели распространение как наземные дома, так и дома на подклете. Как уже говорилось, были и землянки, жилища, заглубленные в землю. Сибиряки-старожилы, люди посостоятельнее, предпочитали дома на высоком подклете, наземные двухэтажные дома; переселенцы и люди победнее ставили наземные дома и дома на среднем и низком подклете. Наличие подклета автоматически подразумевало использование его для хозяйственных нужд устройства подполья или подвала. Редко, только в семьях зажиточных крестьян или купцов, в подклете устраивалась мастерская (д. Большой Оеш Колыванского р-на) или лавка (пос. Маслянино). Некоторые дома имели жилой подклет.

В основном были распространены одноэтажные дома, но строили также и двухэтажные (д. Кирза Ордынского р-на, пос. Маслянино). Они принадлежали представителям богатых слоев населения – священникам, купцам, зажиточным крестьянам. Первый этаж двухэтажного дома или был жилым, или служил лавкой, а в доме священника там иногда размещалась школа (д. Мереть Сузунского р-на, пос. Маслянино).

По взаимному расположению жилых и хозяйственных помещений жилища подразделяются так: жилые помещения располагаются над хозяйственными (подполье или подвал – жилье); между хозяйственными (подполье или подвал – жилье – хозяйственный чердак); под хозяйственными (жилье – хозяйственный чердак). Следует заметить, что практически все одноэтажные дома Новосибирского Приобья на подклетах со скатными и часть домов с четырехскатными крышами могут быть отнесены к типу «жилые помещения между хозяйственными», наземные дома с земляными полами, существовавшие в 1910-х годах, – к типу «жилые помещения под хозяйственными». Дома с четырехскатной крышей, в которых не использовался чердак, представляют тип «жилые помещения над хозяйственными».

По материалу стен дома классифицируются как жилые дома из дерева, из камня (кирпича), из самана и землянки. В Новосибирском Приобье большая часть домов строилась из дерева в срубной технике, из других материалов применялись только

саман и глина, при строительстве землянок использовали деревянные срубы и пласты дерна²⁷. По переписи 1911–1912 гг., в 11 селениях Новосибирского Приобья было всего пять саманщиков. Для сравнения отметим, что среди старожилов плотников было 110, столяров – 12; среди переселенцев, приселившихся к старожилам, плотников – 170, столяров – 11²⁸. Саманные жилища и землянки не получили сколько-нибудь значительного распространения. При первой же возможности крестьяне строили бревенчатые дома как наиболее приспособленные к условиям Приобья. Каменных домов и домов из кирпича не было вообще, крайне редко встречались дома с каменным докольным этажом, принадлежавшие представителям зажиточных слоев населения.

Хозяйственные постройки усадьбы, как и жилище, выполнялись в срубной технике. Срубы бань, амбаров, напогребницы рубили «в чашу». Для протяженных построек, таких, как крытые дворы для скота, использовали технику заплота, при которой пазованные столбы вкапывали в землю на 0,8–1,0 м, а между ними делали заполнения из тонких бревен, полубревен или плах. В такой же технике выполнялись и изгороди. Легкие изгороди плели из веток и тонких стволов деревьев, они назывались тын или плетень (Колыванский р-н). Земельный участок огораживали пряслом – изгородью из жердей. Временной постройкой для мелких животных и птицы, характерной для недавно приехавших переселенцев, являлась землянушка. Для ее устройства делали сруб, который опускался в заранее вырытую яму, сверху в качестве крыши на него укладывали жерди и дерн (пос. Маслянино). Погребя также устраивали по принципу землянок, только сверху ставили напогребницу – сруб, покрытый крышей. Самое простое помещение бани представляло собой невысокий сруб с плоской или двускатной кровлей, были также бани с предбанником.

Итак, усадебные комплексы земледельческих поселений северной части Верхнего Приобья в конце XIX – начале XX в. формировались как в постоянных населенных пунктах, так и в сезонных – заимках, на основе которых могли в дальнейшем образовываться многодворные поселки. Для территории исследуемого региона присуще большое разнообразие типов крестьянского дома. Столь же многочисленны были и типы усадеб с различным набором построек, что обуславливалось, как отмечалось в начале статьи, этническими, социально-экономическими, культурно-историческими и природно-климатическими факторами. Каждый из них или их сочетание оказывали определенное влияние на характеристики усадьбы. Так, состав строений на усадьбе зависел от хозяйственных и этнических особенностей ее владельцев, количество строений – от имущественного положения хозяев и типа хозяйства. На планировку усадеб наибольшее воздействие оказали природно-климатические условия, этнические и хозяйственные факторы.

В заключение следует отметить, что несмотря на большой фактический материал, дающий основу для анализа, в данной статье удалось ответить далеко не на все вопросы, касающиеся закономерностей формирования усадебного комплекса северной части Верхнего Приобья. Многие остались недостаточно изученным и требуют пристального внимания и дальнейшего осмысления.

Примечания

¹ *Бломквист Е.Э.* Постройки бухтарминских старообрядцев // Бухтарминские старообрядцы. Материалы комплексного экспедиционного исследования. Вып. 17. Л., 1930; *ее же.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения) // Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Т. XXXI; *Бломквист Е.Э., Ганцкая О.А.* Типы русского крестьянского жилища середины XIX – начала XX в. // Русские: Историко-этнографический атлас. Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда (середина XIX – начало XX века). М., 1967. С. 131–165; *Этнография русского крестьянства Сибири (XVII – середина XIX в.)* / Ред. В.А. Александров. М., 1981; *Александров В.А.* Русское население Сибири в XVII – начале XVIII в. (Енисейский край). М., 1964; *Липинская В.А., Сафьянова А.В.* Жилище русского населения восточных районов Алтайского края (конец XIX – начало XX в.) // *Хозяйство и быт западносибирского крестьянства XVII – начала XX в.* М., 1979; *Громыко М.М.* Трудовые традиции

русских крестьян Сибири (XVIII – первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975; *Люцидарская А.А.* Старожилы Сибири. Историко-этнографические очерки. XVII – начало XVIII в. Новосибирск, 1992; *Бардина П.Е.* Быт русских сибиряков Томского края. Томск, 1995; *Шелегина О.Н.* Очерки материальной культуры русских крестьян Западной Сибири. Новосибирск, 1992; *Ащепков Е.А.* Русское народное зодчество в Западной Сибири. М., 1950; *его же.* Русское народное зодчество в Восточной Сибири. М., 1954; *Баландин С.Н.* История архитектуры русских земледельческих поселений в Сибири (XVII–XX вв.). Новосибирск, 1984.

² Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии. Вып. 1. Томск, 1913. С. I–XI.

³ Этнография русского крестьянства Сибири. С. 88–90.

⁴ Томская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 г. СПб., 1868. С. LVIII.

⁵ Там же. С. LXIXX.

⁶ *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. М., 1983. С. 73.

⁷ Томская губерния... С. LXIXX.

⁸ Там же. С. LXX.

⁹ Цифровой материал для изучения переселений в Сибирь в 1895 г. М., 1898. С. 7–16; Цифровой материал для изучения переселений в Сибирь в 1896 г. М., 1899. С. 28–36; Цифровой материал для изучения переселений в Сибирь в 1897 г. М., 1901. С. 2–12.

¹⁰ Сборник статистических сведений... С. 55.

¹¹ Там же. С. 50–58.

¹² Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии. Вып. 2. Томск, 1913. С. 534–550.

¹³ Сборник статистических сведений... Вып. 1. С. V.

¹⁴ *Майничева А.Ю., Фурсова Е.Ф.* Заселение и хозяйственно-культурное освоение Западной Сибири в середине XIX – начале XX в. // III годовая сессия Ин-та археологии и этнографии СО РАН, ноябрь 1995 г. Тез. докл. Новосибирск, 1995. С. 81; *Фурсова Е.Ф.* Чалдоны – этнокультурная группа старожилов Новосибирского Приобья // Страницы истории Новосибирской области. Люди, события, культура. Первая обл. науч.-практ. конф. краеведов. Тез. докл. и сообщ. Ч. I. М., 1995. С. 129–133.

¹⁵ *Майничева А.Ю., Фурсова Е.Ф.* Указ. раб. С. 81.

¹⁶ *Фурсова Е.Ф.* Историческая память и национальный менталитет старожилов и переселенцев Приобья // Русский вопрос: история и современность. Матер. докл. Второй Всерос. науч. конф. Ч. II. Омск, 1994. С. 20.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Сборник статистических сведений... Вып. 1. С. XXI.

¹⁹ Материалы Государственного архива Мошковского р-на Новосибирской обл.

²⁰ Там же.

²¹ Подсчитано по материалам Государственного архива Маслянинского р-на Новосибирской обл.

²² *Майничева А.Ю., Фурсова Е.Ф.* Указ. раб. С. 82.

²³ Сборник статистических сведений... Вып. 1. С. 232–364.

²⁴ *Голубев П.А.* Землевладение на Алтае // Юридический вестник. 1892. Т. X; *Кауфман А.А.* Крестьянская община в Сибири. СПб., 1877; *Бояришинова З.Я.* Западная Сибирь накануне присоединения к России. Томск, 1968; *Липинская В.А.* Заимки Западной Сибири конца XIX в. как сезонные поселения // Хозяйство и быт западносибирского крестьянства XVII – начала XX в. С. 143–188 и др.

²⁵ Подсчитано по кн.: Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии. Томск, 1910–1911 г. Перепись 1911–1912 г. С. 442–450.

²⁶ *Шелегина О.Н.* Указ. раб. С. 45.

²⁷ Технология строительства из самана и устройства землянок и глинобитных «мазанок» хорошо описана и не требует, на наш взгляд, уточнения. См.: Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1. Поселения и жилища. Кн. II. Томск, 1994. С. 138–142.

²⁸ Подсчитано по кн.: Сборник статистических сведений... 1910–1911 гг. С. 380–450.

A.Yu. M a y n i c h e v a. North Upper Ob Area Peasant's Farmstead (Late 19th–20th)

This article investigates the forming of peasant's farmstead in the North part of the Upper Ob area in late 19th – early 20th cc. As an integral economic and architect complex stipulated by natural-climatic, social-economy and ethnic factors. The farmsteads of agricultural settlements of this region were springing up not only in constant populated areas but also on season's ones – squatting. There were formed many homesteads settlements. The author shows the variety of types and peculiarity of peasant's farmsteads with a different collection of buildings.